

Коллекция классики.
ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

ОКТАВ МИРБО

***ДНЕВНИК
ГОРНИЧНОЙ***

Москва
2021

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
М63

Перевод с французского *Александры Мирэ*

Художественное оформление *Яны Паламарчук*

В оформлении обложки использована фотография:
© Maddas / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Мирбо, Октав.

М63 Дневник горничной / Октав Мирбо ; [перевод с французского А. Мирэ]. — Москва : Эксмо, 2021. — 352 с. — (Коллекция классики. Запретный плод).

ISBN 978-5-04-155747-8

Октав Мирбо родился в буржуазной семье, воспитывался в иезуитском коллеже, но женитьба на артистке кабаре круто изменила его судьбу. «Дневник горничной» откровенно изображающий интимные отношения и порочные развлечения богатых семей, вызвал возмущение читателей-пуритан XIX века, из-за чего подвергался цензуре. О чем может узнать горничная, подглядывая в замочные скважины, испытывая на собственном опыте затейливые пожелания господ?

В XX роман был экранизирован знаменитым Луисом Бунюэлем.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-155747-8

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

I

Сегодня, 14 сентября, в 3 часа пополудни, в теплую, sereneкую и дождливую погоду я поступила на свое новое место. Это двенадцатое за два года. Не говорю уже о местах за прежние годы. Их и не сочтешь. Ах, и чего я только не видела за это время, какие обстановки, лица, какие грязные душонки! И это не конец... После всех совершенно необыкновенных мытарств, когда я вихрем носилась с одного места на другое, то из домов в бюро, то из бюро в дома, из Булонского леса в Бастилию, с Обсерватории на Монмартр, из Терн в Гобелены, не сумевши нигде осесть прочно, недоставало только, чтобы и здесь было трудно служить. Не хочется и верить.

Дело уладилось при посредстве «маленьких объявлений» в «Фигаро» и без личного свидания с хозяйкой. Мы обменялись письмами и только: способ сомнительный, где с обеих сторон можно ожидать сюрпризов. Письма хозяйки хорошо написаны, это правда. Но они обнаруживают мелочный и мнительный характер... Ах! Ей на все нужны объяснения, всякие почему да потому... Не знаю, скупа ли хозяйка; во всяком случае, она не разоряется на почтовую бумагу. Она куплена в Лувре. У меня при всей моей бедности больше вкуса... Я пишу на бумаге, надушенной «Peau d'Espagne», на хорошей бумаге, то розовой, то бледно-голубой, которую я собрала у своих

прежних хозяек. Есть даже листы с графскими коронами... Сэкономила на бумаге.

Итак, я в Нормандии, в Мениль-Руа. Имение моей хозяйки, которое находится невдалеке, называется Приерэ. Вот почти все, что я знаю о том месте, где я буду жить теперь.

Не без сожаления и беспокойства я думаю о том, что так скоропалительно похоронила себя в этой глухой провинции. То, что я здесь увидела, меня немного пугает, и я себя спрашиваю, что меня ждет впереди... Наверное, ничего хорошего и по обыкновению шалости... Эти шалости самый верный наш доход. На одну, которая пользуется успехом, то есть выходит замуж за порядочного человека или связывается со стариком, сколько приходится таких, которые обречены на неудачи и попадают в глубокий омут нищеты?.. Наконец, у меня не было выбора; и это все же лучше, чем ничего.

Мне не впервые служить в провинции. Четыре года назад у меня было такое место. О! недолго и при самых исключительных обстоятельствах. Я вспоминаю этот случай, как будто это было вчера... Подробности, правда, несколько неприличны и даже страшны, но мне хочется все-таки рассказать об этом. Впрочем, я предупреждаю моих читателей, что я ни о чем не намерена умалчивать в этом дневнике, ни о себе, ни о других. Наоборот, я вложу в него всю свою откровенность и по мере надобности всю грубость жизни. Не моя вина в том, что души, с которых срывают покрывало и которые показывают во всей их наготе, отдают таким сильным запахом гнили.

Вот как было дело.

В одном бюро для найма какая-то толстая экономка предложила мне место горничной у некоего господина Рабура в Турэне. Мы сошлись в условиях, и было решено, что я поеду поездом и в такой-то день и час буду на

такой-то станции. По этому расписанию все и сделано было.

Когда я отдала свой билет контролеру, то встретила у выхода кучера с красным и угрюмым лицом, который обратился ко мне:

— Это вы новая горничная господина Рабура?

— Да, это я.

— Есть у вас сундук?

— Да.

— Дайте мне вашу багажную квитанцию и обождите меня здесь.

Он вышел на платформу. Станционная прислуга зашевелилась. Его называли «мосье Луи» приятельским, но почтительным тоном. Луи разыскал мой сундук среди груды тюков и приказал отнести его к английской коляске, которая стояла у решетки.

— Ну вот... садитесь!

Я села рядом с ним на скамейку, и мы поехали.

Кучер искоса поглядывал на меня. Я его также рассматривала. Я тотчас же увидела, что имею дело с деревенщиной, неотесанным крестьянином, с прислугой без всякой выправки, не бывавшей никогда в больших домах. Мне это было досадно. Я люблю красивые ливреи. Больше всего меня приводят в восторг белые лосины, плотно облегающие крепкие бедра. Не было никакого шика у этого Луи, правившего без перчаток в слишком широком костюме из серо-голубого драгета и в плоской фуражке из лакированной кожи с двойным золотым позументом. Нет, право! отстали они, эти простаки. И при всей своей хмурой и грубоватой наружности это не злой дьявол, в сущности. Я знаю эти типы. Вначале они всякие каверзы устраивают новичкам. А затем все улаживается, часто даже лучше, чем того хочешь.

Мы долго ехали, не проронив ни одного слова. Он старался принять вид важного кучера, высоко держал вожжи и делал округленные движения кнутом. Нет, как

это было смешно!.. Я со своей стороны приняла позу, как будто осматривала окрестности, которые ничего особенного не представляли, — поля, деревья, дома, как везде. Когда лошадь перед косогором пошла шагом, он вдруг спросил меня с усмешкой:

— Вы везете с собой, конечно, хороший запас ботинок?

— Без сомнений! — сказала я, удивленная этим совершенно неожиданным вопросом и еще более этим особенным тоном, с которым он ко мне обратился. — Почему вы меня об этом спрашиваете? Несколько глупо, знаете ли, с вашей стороны спрашивать меня об этом, дяденька...

Он меня толкнул слегка локтем, и, окинув странным взглядом, в котором светилось какое-то непонятное мне двусмысленное выражение острой иронии и непристойного веселья, он насмешливо сказал:

— Ну что там!.. Притворяетесь, будто ничего не знаете... Поди, проказница... хорошая проказница!

Он прищелкнул языком, и лошадь пошла быстрым ходом.

Это меня заинтриговало. Что это могло означать? Может быть, ровно ничего... Я подумала, что этот проstack был просто глуповат, не умел разговаривать с дамами и ничего не мог придумать для разговора, который я, впрочем, решила более не поддерживать.

Имение господина Рабура было довольно большое. Красивый дом, выкрашенный в зеленый цвет, окруженный большими лужайками в цветах и сосновым лесом, от которого пахло терпентином. Я обожаю деревню... но, странно, она навевает на меня тоску и сонливость. В таком совсем сонном настроении я вошла в переднюю, где меня поджидала та же экономка, которая наняла меня в бюро в Париже, после бог весть скольких нескромных вопросов о моих интимных привычках и вкусах; это мне внушило недоверие к ней. И каких только не приходит-

ся видеть среди них, с каждым разом наталкиваешься на худших, однако это нас ничему не учит. Экономка мне не понравилась еще в бюро; здесь она вдруг мне стала противной, и я нашла, что у нее отвратительный вид старой сводни. Это была толстая женщина, короткая и жирная, с желтоватым лицом, с гладкими седеющими волосами, с огромной, обвислой грудью, с мягкими и влажными руками, прозрачными, как желатин. В ее серых глазах проглядывала злость, злость холодная, расчетливая, способная на преступление. Взглядом она пронизывала вашу душу и тело и вызывала краску стыда на лице.

Она проводила меня в небольшую залу и тотчас оставила, сказав, что предупредит хозяина, что хозяин хотел меня видеть перед тем, как я возьмусь за свою работу.

— Ведь хозяин вас не видел, — прибавила она. — Я вас, правда, наняла, но нужно же ведь, чтобы вы и хозяину понравились.

Я осмотрела комнату. В ней царили необыкновенные чистота и порядок. Медь, мебель, паркет, двери, тщательно вычищенные, навощенные, покрытые лаком, блестели, как зеркала. Ни пышности, ни темных обоев, ни вышитых вещей, какие встречаешь в некоторых домах в Париже. Все выдержано в стиле, богато и просто, на всем лежала печать комфорта зажиточной провинциальной жизни, порядка и покоя. Как тут должно было быть скучно! Черт побери!

Вошел хозяин. Ах, какой чудак и как он был забавен! Представьте себе маленького старичка, одетого с иголочки, свежевыбритого и совершенно розовенького — настоящая кукла. Держится прямо, очень живой и, право, милый! На ходу он подпрыгивал, как кузнечик на лугу. Он поздоровался со мной и бесконечно вежливо спросил:

— Как вас зовут, дитя мое?

— Селестина, сударь.

— Селестина, — сказал он. — Селестина?.. Черт возьми! Красивое имя, не спорю... но слишком длинное, мое дитя, чересчур длинное... Я вас буду называть Марией, если вы позволите... Это также очень мило и коротко... И, кроме того, я всех своих горничных называл именем Мария. Мне было бы неприятно отказаться от этой привычки. Я предпочел бы отказаться от прислуги...

У всех у них эта странная мания никогда не называть вас настоящим именем. Я нисколько не удивилась, так как меня уже называли чуть ли не всеми святыми...

Он продолжал:

— Итак, вы ничего не имеете против того, что я вас буду называть Марией? Согласны?

— Да, сударь.

— Красивая девушка... добрая душа... Хорошо, хорошо!..

Все это он проговорил с веселым видом, очень почтительно, не заглядывая мне в лицо, не бросая на меня взглядов, не раздевая меня мысленно, как это обыкновенно делают мужчины. Он почти не смотрел на меня. С того момента, когда он вошел в залу, его глаза все время были прикованы к моим ботинкам.

— У вас есть другие? — спросил он меня после короткого молчания, и в это время, мне показалось, его глаза странно заблестели.

— Другие имена, сударь?

— Нет, мое дитя, другие ботинки...

И он при этом быстро облизывал кончиком языка свои губы, как это делают кошки.

Я не тотчас ответила. Вопрос о ботинках, который мне напомнил грязную шутку кучера, меня смутил. Это имело какое-то значение?.. Когда он настойчиво повторил свой вопрос, я наконец ответила, но глухим и смущенным голосом, как будто мне нужно было сознаться в каком-нибудь легкомысленном поступке:

— Да, сударь, у меня есть другие...

- Лакированные?
- Да, сударь.
- Хорошо... хорошо... лакированные?
- Да, да, сударь.
- Хорошо... хорошо... и желтые?
- У меня таких нет, сударь.
- Нужно иметь такие... я вам их дам.
- Мерси, сударь!
- Хорошо, хорошо... молчи!

Мне стало страшно. Глаза его вдруг потемнели, на лице показались красные пятна, а на лбу выступили капли пота. Подумав, что ему дурно, я готова была крикнуть, чтобы позвать на помощь, но кризис стал проходить, и через несколько минут он, еще со слюной в углах рта, упавшим голосом промолвил:

— Ничего... прошло... Понимаете ли, мое дитя... Я немного маньяк... В мои годы это позволительно, не правда ли? Вот, например, я не могу согласиться, чтобы женщина чистила свои ботинки, а мои тем более. Я очень уважаю женщин, Мария, и не могу выносить этого. Я сам буду чистить ваши ботинки, ваши маленькие ботинки, ваши милые маленькие ботинки... Я с ними буду возиться. Послушайте... каждый вечер перед сном вы будете приносить свои ботинки в мою комнату и будете ставить у кровати на маленький столик, а по утрам, когда придете открывать окна, вы их будете забирать.

И так как на моем лице было выражение крайнего удивления, он прибавил:

— Подумайте! Ведь я не о большом у вас прошу... это вполне естественно, наконец... И если вы действительно добрая...

Он быстро вынул из кармана два золотых и подал мне.

— Если вы будете добрая и послушная, я часто буду делать вам подарки. Экономка будет выплачивать каждый месяц ваше жалованье. А я, Мария, между нами, я

вам часто буду делать маленькие подарки. И о чем же я у вас прошу?.. Ведь в этом нет ничего необыкновенного... Боже мой, разве это так необыкновенно?

Хозяин все более волновался. Когда он говорил, его брови дрожали, как листья на ветру.

— Почему ты ничего не говоришь, Мария? Скажи что-нибудь... Отчего ты не ходишь? Пройдись немного, я хочу посмотреть, как они двигаются, как они живут... твои ботинки...

Он стал на колени, поцеловал мои ботинки, помял своими нервными пальцами, поласкал, развязал... И, целуя и лаская их, он говорил умоляющим голосом, голосом плачущего ребенка:

— О, Мария... Мария! твои маленькие ботинки... дай мне их сейчас же... сейчас... сейчас... Я хочу их сейчас... дай мне их...

Я ничего не понимала... Я вся оцепенела. Я не знала, вижу ли я это наяву или во сне. Эти глаза хозяина — я видела только два маленьких белых шарика с красными жилками. И рот его был весь в какой-то мыльной пене...

Наконец, он унес мои ботинки и на целых два часа заперся с ними в своей комнате.

— Вы очень понравились хозяину, — сказала мне экономка, показывая мне дом. — Постарайтесь, чтоб это было надолго. Место хорошее...

Четыре дня спустя, утром, когда я в обычный час зашла в комнату, чтобы открыть окна, я обмерла от ужаса... Хозяин лежал мертвый! Он лежал на спине посредине кровати, почти совершенно голый; чувствовалось, что это лежит уже окоченелый труп. У него было совершенно естественное положение. Одеяло в полном порядке, простыни без малейших следов борьбы, сильных движений, агонии, царапающих рук, обороняющихся от смерти... Можно было подумать, что он спит, если бы его лицо не было синим, страшно синим, темно-синего цве-

та. Но еще более, чем это лицо, меня потрясло страшное зрелище... Хозяин держал в сжатых зубах мой ботинок. Зубы были так сильно стиснуты, что после страшных и бесполезных усилий вырвать из них ботинок я должна была бритвой разрезать кожу.

Я не святая... я прекрасно знаю мужчин и знаю по опыту все безумие, всю грязь, на которую они способны... Но такой мужчина, как мой хозяин?.. Ах! Право, смешно даже, что существуют такие типы. И зачем все эти выдумки, когда так просто, так мило любить похорошему, как все...

Думаю, что здесь ничего подобного со мной не случится. Видно, что здесь другие люди. Но лучше ли? Хуже ли? Ничего об этом не знаю...

Одна мысль мне не дает покоя. Мне нужно было бы, может быть, в один прекрасный день покончить со всеми этими грязными местами и раз навсегда переменить службу на легкий промысел, как сделали другие мои знакомые, которые были, скажу без хвастовства, «менее авантажны», чем я. Если бы я не была красивой, было бы лучше; несколько не рисуясь, могу сказать, что во мне есть шик, которому часто завидовали женщины из общества и кокетки. Рост, может быть, слишком высокий, но я гибкая, тонкая, стройная, очень красивые светлые волосы, очень красивые голубые глаза, вызывающие и шаловливые, смелое выражение губ, наконец, умение быть оригинальной, живой и задумчивой в одно и то же время, что очень нравится мужчинам. Я могла бы пользоваться успехом. Но помимо того, что «счастливые» случаи, которые, вероятно, не повторятся больше, были упущены мною, меня охватывает страх. Боишься, потому что не знаешь, до чего дойдешь... На каких только несчастных я не наталкивалась в этой среде. Какие ужасные признания мне пришлось выслушивать!.. И этот трагизм вечного шатания по больницам!.. И в конце концов ад Сен-Лазара! Есть над чем призадуматься, есть чего бояться...

Да и будет ли у меня в таком положении успех, равный тому, каким я пользуюсь, будучи горничной? То особенное впечатление, которое мы производим на мужчин, не зависит только от нас, как бы мы красивы ни были. Для меня ясно, что многое тут зависит от обстановки, в которой мы живем, от роскоши, от недостатков окружающих, от самих наших хозяев и от тех желаний, которые они вызывают. Любя нас, они отчасти и сами, а еще более их тайны способствуют тому, чтобы нас любили...

И вот еще что. Вопреки всему моему легкомыслию я часто находила в глубине своей души очень искреннее религиозное чувство, которое меня предохраняет от окончательного падения, которое удерживает на краю пропасти. Ах, если бы не было религии, молитвы в церквях, вечеров сурового раскаяния и нравственной скорби, если бы не было Святой Девы и св. Антония Падуанского, если бы всего этого не было, мы были бы еще более несчастны, это несомненно. И что еще будет, и до чего еще дойдешь, один черт знает!

Наконец — и это самое важное — у меня нет ни малейшей защиты против мужчин. Я всегда буду жертвой своего бескорыстия и их удовольствия. Я слишком влюбчива, да, я слишком обожаю любовь, чтобы извлекать из нее какую-нибудь выгоду. Она сильнее меня. Я не могу просить денег у того, кто мне доставляет наслаждение и раскрывает лучезарные двери восторга. Когда они мне говорят, эти чудовища... и я чувствую на шее прикосновение их бороды и горячее дыхание... представьте!.. Я становлюсь настоящей тряпкой, и тогда они берут от меня все, что хотят...

Но вот я в Приерэ. Что меня ожидает здесь? Право, не знаю. Самое разумное было бы совсем не думать об этом, и пусть все идет помаленьку. Так, может быть, будет лучше всего. Несчастья безжалостно преследовали меня до сих пор. Неужели и завтра из-за одного какого-нибудь слова хозяйки я принуждена буду уйти из-

под крова! Это было бы печально. С некоторых пор я чувствую боли в животе и пояснице, какую-то слабость во всем теле, желудок расстраивается, память ослабевает... Я становлюсь все более и более раздражительной и нервной. Только что посмотрела на себя в зеркало и нашла, что лицо действительно имеет утомленный вид, а здоровый цвет лица, которым я так гордилась, стал пепельным... Неужели я уже старею? Мне еще не хочется стареть. В Париже трудно ухаживать за собой, все некогда. Слишком уж там лихорадочная и шумная жизнь. Там всегда все новые люди, новые вещи, слишком много удовольствий и новых впечатлений... Поневоле приходится так жить. Здесь спокойно... И какая тишина! Воздух здесь, должно быть, хороший, здоровый. Ах! Если бы я даже с риском поглупеть могла бы отдохнуть немного!

С самого начала в меня закралось какое-то недоверие. Правда, хозяйка довольно любезна со мной. Она мне даже сделала несколько комплиментов по поводу моего костюма и выразила удовольствие по поводу справок, которые она навела обо мне. Ах, глупая голова, если бы она знала, что эти сведения ложные, что они присланы просто из любезности... Ее поражает также мое изящество. Впрочем, в первый день редко кто из этих верблюдов бывает нелюбезным. Все новое красиво. Это известно. У хозяйки очень холодное, жесткое выражение глаз. Эти глаза мне не по душе... в них проглядывают скупость, подозрительность и полицейский нюх. Мне не нравятся и губы ее, тонкие, сухие и как будто покрытые беловатой кожицей, и ее отрывистая, резкая речь, в которой любезность звучит как оскорбление, как издевательство. Когда она, расспрашивая меня о том, о другом, о моих способностях и о моем прошлом, смотрела на меня своим бесстыжим, спокойным и суровым взглядом таможенного досмотрщика, взглядом всех хозяек, я себе говорила: